

Андрей ГРОЗИН

ПОЛИТИКА ТУРЦИИ В ПОСТСОВЕТСКОЙ АЗИИ: ПОДХОДЫ, ИНСТИТУТЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ

Аннотация

В статье анализируются история, актуальное состояние и основные направления и перспективы развития влияния Турецкой Республики в республиках Центральной Азии. Оценивается влияние различных институтов, созданных в разные годы Анкарой для расширения и углубления партнёрства со странами региона. Рассматриваются основные элементы турецкой «мягкой силы» в Центральной Азии. Продолжающиеся глобальные экономические и геополитические трансформации создают широкое поле для различных вариантов развития турецкой политики в Центрально-Азиатском регионе.

Этапы реализации политики Анкары в регионе

Четыре из пяти государств пост-советской Центральной Азии (ЦА), образовавшиеся после распада СССР, являются странами с подавляющим большинством тюркоязычного населения. Получив суве-

ГРОЗИН Андрей Валентинович – кандидат исторических наук, заведующий отделом Средней Азии и Казахстана Института стран СНГ, старший научный сотрудник Института востоковедения Российской академии наук. Адрес: Российская Федерация, 141410, Московская обл., г. Химки, пр. Мельникова, д. 2/1. *SPIN*-код: 5621-8571. *E-mail*: andgrozin@yandex.ru

Ключевые слова: Турция, Анкара, Эрдоган, Центральная Азия, Кыргызстан, Узбекистан, Казахстан, Туркмения, неоосманизм, пантюркизм, «мягкая сила», Россия.

ренитет, новые государства начали процесс интеграции в мировое сообщество, и Турция одной из первых признала независимость постсоветских республик Азии (16 декабря 1991 г. Анкара признала независимость всех пяти постсоветских государств региона) и Кавказа. После распада Советского Союза у Турции впервые в истории появилась теоретическая возможность включить в свою зону влияния бывшие советские республики Азии. Ещё в начале 90-х годов XX века экс-премьер-министр Турции С. Демирель говорил, что у его страны появилась уникальная перспектива «определять политическое будущее мусульманских республик СНГ». Начался этап активного сотрудничества Турции с государствами ЦА по различным направлениям.

При этом претензия на роль «куратора» региона обосновывалась лишь «родством»: особенная заинтересованность объяснялась Анкарой тем, что страны ЦА являются близкородственными ей по историческому, этническому, лингвистическому и культурному основаниям. Притом что Казахстан, Киргизия, Узбекистан и Туркменистан к Османской империи никакого отношения в историческом плане не имели: эти территории никогда не входили в её состав. Напротив, Орда и империя Османов были государствами-конкурентами и по большей части находились в состоянии взаимной вражды.

Полнее и чётче заинтересованность Турции в ЦА формулировалась МИДом Турции: «Центральная

Азия является стратегически важным регионом для обеспечения безопасности и стабильности в Евро-Атлантическом регионе. Его энергетические ресурсы жизненно необходимы для глобальной энергетической безопасности, и Центральная Азия является важным хабом (узлом) как для газо- и нефтепроводов, так и для торговых коридоров» [1]. В Турции данная политика выражается в концепции «энергетического терминала и коридора» (*Enerji Terminali ve Koridoru*) – одного из энергетических хабов по транспортировке мировых энергоресурсов из Евразии в Турцию и Европу. Как отмечал эксперт ИСАА МГУ П. Шлыков, «стержнем этой программы изначально была идея компенсации дефицита запасов энергоресурсов преимуществами геостратегического положения, позволяющего Анкаре претендовать на роль ключевого связующего звена между производителями энергоресурсов (Россией и прикаспийскими странами) и потребителями (прежде всего европейскими)» [2, С. 3].

Активная внешняя политика, проводимая президентом Тургутом Озалам, по сближению с республиками ЦА, Азербайджаном и тюркскими народами России, облегчалась тем, что многие интеллектуалы и политические активисты в среде постсоветских республик видели в ней альтернативу России, которая ассоциировалась у них с колониальным прошлым. Элиты привлекал образ тогдашней Турции как мусульманской страны, в которой государство сохраняет светский ха-

ракет и держит ислам под контролем, не допуская его радикализации. Для лидеров республик ЦА, напуганных ростом исламистских движений (особенно Узбекистана), турецкая политическая модель представляла собой приемлемую альтернативу как исламу, так и гегемонии Москвы. Лидеры тюркоязычных республик «стремились перехватить у национально-демократической оппозиции лозунги национал-патриотизма и тем самым обеспечить легитимность своим правящим режимам» [3].

Турция как крупное государство Ближнего Востока и крупнейшее тюркоязычное государство имело свои конкретные планы на новые «тюркские» государства региона. Прежде всего, они были связаны с идеей создания тюркского союза, который включал бы Турцию и остальные тюркоязычные государства ЦА под эгидой Турции. Данная цель открыто указывалась в качестве одного из приоритетов турецкой внешней стратегии [4, С. 137].

Реализация некоего «союза тюрков» на фоне распада СССР позволила бы Анкаре кардинально усилить свои позиции в международной экономике и политике. Любой формат объединения тюркских стран позволяет Турецкой Республике получить значительные преимущества над другими региональными центрами силы на Ближнем и Среднем Востоке.

Всем этим надеждам, однако, сбыться было не суждено, поскольку, как отмечал в середине 90-х годов XX века президент Казахстана

Н. Назарбаев [5: 216–217], новым государствам ЦА совсем не хотелось после ухода одного «старшего брата» получить себе другого. Как отмечал историк Российского государственного гуманитарного университета В. Мирзеханов, «пытаясь занять доминирующие позиции в Центральной Азии, она (Турция. – Прим. авт.) столкнулась с «парадом суверенитетов», при котором правящие элиты государств региона отвергали любую попытку нового идеологического доминирования» [6]. Поэтому и предложения по созданию специализированной структуры, координирующей взаимодействие тюркских государств, были полностью отвергнуты странами ЦА. Наступил период многолетнего застоя в отношениях между этими странами.

Турецкие амбиции столкнулись с реалиями постсоветских азиатских стран, и если первоначально Анкара ориентировалась на создание тюркского союза с «новой Азией», затем она поняла, что необходима более мягкая и системная работа по развитию тюркской интеграции, в том числе с участием тюркоязычных стран ЦА.

Пантюркизм как идеология, претендующая на определение судеб народов ЦА, в практическом плане играет скромную роль и в отношениях стран региона между собой, и в их отношениях с «франчайзером» этой идеологии – Турцией. Но эта доктрина родом из XIX в. может сказаться на будущем постсоветской Азии как преграда для реализации евразийских интеграцион-

ных проектов, для чего, собственно, пантюркизм и создавался в XIX в. при живейшем участии британской разведки.

Как отмечал британский исследователь У. Дейл, «с распадом СССР Анкара возлагала большие надежды на создание общетюркского союза. Эти ожидания были основаны главным образом на культурных связях и предположении, что возрождение российской власти маловероятно» [7].

Предложенный турками странам ЦА геополитический проект – организация некоего федеративного общетюркского содружества с центром в Анкаре – совершенно не вдохновил лидеров ставших независимыми среднеазиатских республик. Идея пантюркизма просто не могла получить ожидаемого сочувствия в тюркоязычных республиках региона, поскольку у элит молодых государств очень быстро появились свои амбиции и материальные интересы. Турция в качестве самоназначенного регионального лидера была никому из них не нужна. Сказалось и явное нежелание Анкары подводить под свой геополитический проект значимую ресурсную базу. Это нежелание платить за своё будущее лидерство оттолкнуло значительную часть центральноазиатских элит от турецких проектов.

Поняв, что «кавалерийским скачком» дело не решить, идеи пантюркизма стали продвигать на территорию ЦА завуалированно, подводя под неё некоторые ресурсы и создавая институты продвиже-

ния. В результате Турция «с середины 1990-х годов использовала сложную комбинацию двустороннего взаимодействия, многосторонних институтов, экономических связей и мягкой силы по отношению к Центральной Азии». Тем не менее «опора на этнолингвистическую идентичность никогда полностью не исчезала из политики Турции в отношении Центральной Азии» [8].

Несмотря на неудачу первых попыток взять ЦА под контроль, и массовое сознание, и элиты в Турции продолжают воспринимать её как регион исторического турецкого влияния, входящий в понимание термина «историческая глубина» (исходящая из известных геополитических построений экс-министра иностранных дел Турции и экс-сотрудника президента Реджепа Тайипа Эрдогана Ахмета Давутоглу [9: 136]) и определяющий геополитическое пространство активности турецкой внешней политики наряду с такими регионами, как Балканы, Ближний Восток и Закавказье. Хотя Турция никогда в истории «физически» не присутствовала в ЦА, она как минимум более века считала её пространством своего потенциального влияния. В этом статусе данный регион пребывает и в настоящее время, хотя Турция и не имеет широких возможностей для активного участия в экономической и политической жизни ЦА.

Степень политического и экономического влияния Турции в разных странах ЦА традиционно неодинакова. Велико влияние Анкары в Туркмении, которая не только

первой по образцу Турции перешла на латинский алфавит, но и первой из стран региона установила с ней интенсивные гуманитарные и экономические связи. Максимальное экономическое влияние в регионе ЦА Турция имеет в Туркменистане: основными направлениями экспорта Туркменистана являются Китай, Афганистан и Турция, импорт же в основном осуществляется из Турции (около 1 млрд долл. за 2017 г.). Стоит также отметить, что Туркменистан является одним из крупнейших покупателей турецкого вооружения. Турецкие подрядчики реализовали в Туркменинии 1010 проектов общей стоимостью 47,7 млрд долл. Пиковым для двусторонней торговли стал 2014 г., когда объем торговли между двумя странами составил 2,9 млрд долл., но по итогам 2019 г. он составил 944 млн долл. [10].

Кроме того, Ашхабад заинтересован в диверсификации своего газового экспорта для уменьшения односторонней зависимости от Китая. Альтернативой всегда считалась Европа, а Турция при этом может послужить транзитным центром.

Тесные деловые связи у Турции сложились с Казахстаном и Киргизией. В начале 2021 г. в Анкаре побывал глава казахстанского МИДа М. Тлеуберди. Он встретился с турецкими инвесторами и пообещал им всестороннюю поддержку в республике. После в МИД Казахстана сообщили, что объем турецкого инвестирования в ближайшие 3–5 лет составит около 1 млрд долл. Также стороны договорились довести това-

рооборот до 10 млрд долл. Сейчас он составляет около 3 млрд долл. [11].

Ряд казахстанских экспертов уверен в том, что в республике поступательно нарастает влияние Турции, зримым выражением которого стал перевод казахского языка с кириллической на латинскую графику. Впрочем, процесс ещё далёк от завершения, и, как отмечал казахстанский политолог М. Казначеев, «идея перехода на латинскую графику принадлежит Елбасы Нурсултану Назарбаеву и части его ближайшего окружения, замкнутых на Турцию и США. Сейчас происходят кадровые перестановки и некоторых идеологов из Акорды уже убрали. Нынешний президент не является столь однозначным сторонником этой идеи. Судя по его действиям, он очень сильно не спешит в языковом вопросе. Вплоть до того, что базовые сроки перехода на латинскую графику могут постепенно по техническим причинам сдвигать вправо. Потом ещё правее, и ещё» [12].

Турецко-узбекские отношения испортились ещё в начале 1990-х годов. Узбекистан как крупнейшее по численности государство региона традиционно претендовал на лидерство в ЦА, поэтому его вхождение в региональные организации, в которых он не является «интегрирующим центром», всегда было достаточно проблематичным. С тех пор Ташкент вышел из организаций, патронируемых Анкарой, и участия в их деятельности не принимал до смены власти в Узбекистане. Узбекская элита много лет настороженно

относилась к любым инициативам и проектам Турции по интеграции тюркских народов, что вызывало беспокойство Ташкента по поводу сохранения суверенитета и светско-

го характера государства. Со смелой властью в Узбекистане отношения Ташкента и Анкары существенно улучшились и поступательно развиваются в последние три года.

Турецкие институты неоосманской политики

В начале 90-х гг. XX в. тогдашний премьер-министр Турции С. Демирель говорил, что у его страны появилась уникальная перспектива «определять политическое будущее мусульманских республик СНГ» [13]. Для реализации этой цели при МИД Турции было создано Агентство тюркского сотрудничества и развития (ТИКА), цель которого заключается в развитии отношений с тюркоязычными странами бывшего Советского Союза. Бывший глава ТИКА А. Чей, в свою очередь, заявлял: *«Турецкая Республика – преемница великой Османской империи, она должна создать союзное объединение с Азербайджаном, Казахстаном, Узбекистаном, Киргизией и Туркменистаном даже ценой резкой конфронтации с Россией»* [10].

Впрочем, подобные резкие заявления были скорее исключением: Анкара в то время старалась без необходимости не раздражать Москву.

После неудачи попыток реализовать свои геополитические проекты без какой-то серьезной предварительной подготовки Турция перешла к более продуманной политике создания институтов продвижения «турецкого проекта» и интенсификации экономического сотрудниче-

ства со странами ЦА. Для реализации внешнеполитических целей Турцией помимо ТИКА был создан ряд других международных организаций: Международная организация по совместному развитию тюркской культуры (ТЮРКСОЙ), Парламентская ассамблея тюркоязычных стран (ТЮРКПА), Совет президентов, Совет министров иностранных дел, Совет старейшин тюркоязычных государств, Всемирная ассамблея тюркских народов, Фонд писателей и деятелей искусства тюркского мира (ТЮРКСАВ), Международная ассоциация инженеров и архитекторов тюркского мира и т. д. Союз инженеров и архитекторов тюркского мира призван осуществлять обсуждение и консультации в рамках тюркоязычных государств и обществ архитектуры и градостроительства, имеющих отношение к общетюркской культуре, придерживаясь девиза «Единство в языке, мыслях и делах» [14].

Довольно успешным оказался проект создания научного центра в целях исследования тюркского мира – Международной тюркской академии (расположена в Нур-Султане). Она организывает и содействует научным исследованиям по

истории тюркского мира, изучению языка и тюркской литературы, культуры и т. д. При академии создана Тюркская библиотека, которая хранит более 32 тыс. печатных изданий, редкий фонд книг, копии рукописей.

К организациям, созданным под эгидой Турции, относится и Союз муниципалитетов тюркского мира (СМТМ), который был создан в Анкаре в 2003 г. В него входят более 1100 членов муниципалитетов из 26 стран (Турция, Казахстан, Киргизия, Азербайджан, Албания, Босния и Герцеговина, Болгария и др.). Целью СМТМ заявлено сотрудничество и обмен опытом и знаниями в сфере местного самоуправления.

Ключевым инструментом турецкой политики в ЦА является созданный в 2009 г. Совет сотрудничества тюркоязычных государств (ССТГ), который также часто именуется Содружеством тюркоязычных государств (СТГ). В состав данной организации вошли Турция, Азербайджан, Казахстан и Киргизия. В 2019 г. в Тюркский совет вошёл Узбекистан, после чего организация, по мнению протурецких центральноазиатских экспертов, стала реальной геополитической силой.

По мнению директора кыргызстанского аналитического центра *Prudent Solutions* Эсена Усубалиева, «расширение ССТГ теоретически способствует аккумуляции совокупного потенциала всех стран, которые в него входят. И, по задумке турецкого руководства, чем больше стран и народов будет вовлекаться

в общую сферу сотрудничества, тем эффективнее и шире будут развиваться их идеи «цивилизационной геополитики» (*Medeniyetsel Jeopolitik*), согласно которым Турция отказывается от «физической географии» и идеологии в их международно-политическом смысле и выстраивает свою политику, исходя из собственного понимания культуры, цивилизации и целостности общего пространства» [15]. В качестве первоочередной задачи в рамках совета для Анкары в настоящее время рассматривается «затаскивание» в организацию Туркменистана. Республика не входит в состав ССТГ, но участвует в мероприятиях, направленных на развитие культурно-гуманитарного взаимодействия тюркоязычных стран. Члены организации, в первую очередь Турция, неоднократно озвучивали призывы к Ашхабаду вступить в ряды ССТГ. Генеральный секретарь ССТГ Б. Амреев в конце 2020 г. утверждал, что «достигнуто понимание» о получении Туркменистаном статуса наблюдателя в совете [16]. При этом для всех наблюдателей в ЦА очевидно, что туркменские власти не готовы идти на коллективные формы сотрудничества, которые могут выходить за рамки культурно-языкового взаимодействия в рамках ССТГ.

ССТГ представляет собой зонтичную организацию, вобравшую в себя все созданные за годы сотрудничества тюркоязычные организации. Членами Парламентской ассамблеи тюркоязычных стран, созданной 21 ноября 2008 г. в

Стамбуле, являются исключительно государства – члены ССТГ. Целями организации заявлены: 1) помощь в развитии политического диалога между странами-членами посредством парламентской дипломатии как качественно нового уровня межпарламентского сотрудничества; 2) гармонизация законодательств и усиление совместной деятельности относительно других вопросов, имеющих отношение к парламентскому сотрудничеству на основе исторического, культурного и языкового единства; 3) помощь в развитии базы для взаимовыгодного и равного сотрудничества между тюркоязычными народами и странами других регионов; 4) внесение рекомендаций по сближению законодательства стран – членов ТЮРКПА, включая законодательство по сохранению и передаче будущим поколениям культурного наследия и исторических ценностей, искусства, литературы и других сфер, представляющих значимость для тюркоязычных стран; 5) помощь в развитии политических, социально-экономических, культурных, гуманитарных, правовых аспектов среди партий стран – членов ТЮРКПА [17].

Совет сотрудничества тюркоязычных государств считается одним из главных инструментов внешней политики Анкары. Присоединение Узбекистана в качестве полноправного члена и европейской страны (Венгрия) в качестве страны-наблюдателя можно выделить как одно из явных достижений ССТГ. Экономические

же достижения совета довольно скромны.

31 марта 2021 г. состоялся очередной саммит Тюркского совета (Совета сотрудничества тюркоязычных государств) с участием политических лидеров семи тюркских стран. Из-за эпидемиологической ситуации и мировой пандемии заседание прошло в онлайн-режиме. По итогам неофициального саммита Совета сотрудничества тюркоязычных государств принята Туркестанская декларация. Второй президент Казахстана Касым-Жомарт Токаев при этом отметил, что «цель тюркоязычных стран – сделать тюркский мир одним из важнейших экономических и культурно-гуманитарных пространств в XXI веке», и призвал «начать модернизацию тюркской цивилизации прежде всего с представления всему миру наследия Ясави и священного Туркестана. Поэтому сегодняшний саммит называется «Туркестан – духовная столица тюркского мира». По инициативе Елбасы Н. Назарбаева город Туркестан кардинально изменился и приобрёл новый облик», – сказал Токаев [18]. Казахстан инициировал создание Международного агентства по биологической безопасности. Туркестан был объявлен «столицей тюркского мира», а ССТГ обещали зарегистрировать в ООН как международную структуру.

Следующий саммит Совета сотрудничества тюркоязычных государств состоится 12 ноября 2021 г. в Стамбуле.

Все вышеуказанные многочисленные структуры ведут в ЦА ак-

тивную деятельность, и сфера их интересов затрагивает не только официально декларируемые вопросы культурных взаимоотношений, но и вполне конкретную идеологическую обработку и формирование лоббистского потенциала в правящих элитах региона.

Цели ТЮРКСОЙ, которая была создана министрами культуры Азербайджана, Казахстана, Киргизии, Узбекистана, Туркменистана и Турции [19], обозначил её глава Д. Касеинов: «Международная организация «Тюркской», созданная в 1993 г. для содействия в сохранении и развитии культуры тюркских народов, придаёт особое значение сотрудничеству с образовательными и научными центрами, деятельность которых является позитивным фактором в духовной консолидации братских народов тюркоязычного пространства» [20]. Исследователь В. Аватков считает, что «на практике посредством финансирования тех или иных программ и мероприятий в том или ином регионе «Тюркской» объединяет вокруг себя лояльные национальные элиты, формирует особую группу национальной интеллигенции, ориентированной на объединение тюркских народов вокруг Турции» [21: 7]. Этому способствует то, что пантюркистские, протурецкие настроения достаточно широко распространены в среде центральноазиатской интеллигенции, превалируя даже над их прозападной или пророссийской ориентацией.

Кроме того, пантюркизм является для части местной интеллиген-

ции объединяющим фактором, поскольку в ЦА прозападно (а также антироссийски и антикитайски) настроенные национал-патриоты, как правило, совмещают эту позицию с приверженностью идеям интеграции, тесного сотрудничества тюркского мира.

Помимо вышеописанных организаций в ССТГ входят и другие структуры, такие как, например, Совет президентов, Совет министров иностранных дел, Совет старейшин тюркоязычных государств.

В то же самое время было бы преувеличением говорить о каких-либо массовых протурецких настроениях и симпатиях населения ЦА. Например, в Казахстане, самой экономически развитой республике ЦА с относительно широкими возможностями национал-патриотов (в РК их большая часть симпатизирует неоосманистским идеям) доносить свои пропагандистские материалы до широких слоёв населения, социология не фиксирует какой-то массовой поддержки Анкары и её политики. На сегодняшний момент, по оценке одного из ведущих казахстанских социологов, президента общественного фонда «Центр социальных и политических исследований «Стратегия»» Г. Илеуовой, отношение казахстанского населения к внешним ценностным ориентирам очень разношёрстно и дискретно. Так, согласно недавним опросам, до половины казахского населения республики считает, что страна должна двигаться каким-то своим, собственным, самобытным путём. Одна-

ко каждый формулирует этот путь по-своему и привносит в это понятие «всё, что ему заблагорассудится».

«Социология меряет слои населения широкими мазками. От 30 до 40 процентов казахстанцев вне зависимости от этнической принадлежности считают, что страна должна развиваться самостоятельно, без строгой опоры на внешнеполитических союзников. Где-то 20–25 процентов опрошенных полагают, что необходимо тесно сотрудничать с Россией или теми союзами, в которых Россия присутствует, – в частности, СНГ и ЕАЭС. 8–12 процентов составляют люди, которые считают, что Казахстану лучше сотрудничать с Западом и брать за образец западную цивилизацию. От 2 до 4 процентов выступают за тюркский мир и более тесную интеграцию с Турцией, и не

более двух процентов – за консолидацию с Китаем. Но всё это ничего общего не имеет с архаическим взглядом на мир, который сегодня присутствует в нашем обществе и приобретает все большую популярность» [22], – указывает Илеуова. Более того, именно расширение «архаического взгляда на мир», идущее параллельно с общим упадком всех образовательных систем стран региона, становится всё более значимым фактором общественного сознания в ЦА.

При этом непредсказуемость и напористость лидера Турции, сумевшего быстро и легко испортить отношения с множеством других государств, стала вызывать заметные опасения не только у союзников Турции по НАТО, но и в странах ЦА, причём как на уровне элит, так и среди более широких слоёв населения [23].

«Мягкая сила» Турции в Центральной Азии

Указанный выше феномен архаизации массового сознания населения региона, как представляется, учитывается Анкарой и является одним из мотивов значительного внимания Турции к методикам «мягкой силы», используемым в ЦА. Можно констатировать, что турецкая сторона последовательно стремится к расширению использования «мягкой силы» и экономического влияния на регион (в том числе на страны, входящие в состав ЕАЭС, – Казахстан и Киргизию). По оценке российского политолога Ев-

гении Махмутовой, «к сильным сторонам турецкой «мягкой силы» можно отнести культурную, религиозную и языковую близость, широкую сеть экономических проектов в Центрально-Азиатском регионе, содействие получению турецкого образования» [24].

Турецкая «мягкая сила» в центральноазиатских странах представлена в первую очередь образовательной компонентой, которая в значительной степени заменила качественное советское образование. Образование стало основным ин-

струментом реализации турецких геополитических интересов в регионе.

В орбите применения турецкой «мягкой силы» оказался даже Таджикистан, несмотря на то что таджики не относятся к тюркским народам, а в языковом плане в подавляющем своём большинстве население относится к персоязычной группе. Влияние в Таджикистане Анкара стала укреплять на основе религиозной близости: таджики являются суннитами, как и турки. Эту особенность и стремится использовать турецкая сторона, открывая в стране учебные заведения. Так, в мае 2009 г. в ряде городов республики была учреждена сеть лицеев «Шалола» и «Измир». Сотни молодых таджикских граждан за последние годы получили образование в высших учебных заведениях Турецкой Республики.

Наиболее масштабно и системно образовательный сегмент турецкой «мягкой силы» представлен в Кыргызстане. В стране действуют 22 учебных заведения турецкой образовательной ассоциации «Себат», среди них 9 мужских и 5 женских международных лицеев. Также в рамках «Себат» функционируют международные школы *Cambridge* и *Silk Road*, международный университет «Ататюрк-Ала-Тоо» и турецко-киргизский университет «Манас». По данным на конец 2013 г., в учреждениях ассоциации «Себат» в Кыргызстане обучалось более 9 тыс. чел. Их главным преимуществом по сравнению с местными школами является акцент на изу-

чении точных наук и английского языка.

При этом на территории Киргизии осуществляют свою деятельность более 300 совместных киргизско-турецких предприятий, которые в отличие от российского бизнеса интегрированы с турецкими образовательными учреждениями по ряду направлений. Сотрудники в такие компании набирают в подавляющем большинстве из выпускников турецких заведений. В республике действует Ассоциация молодых предпринимателей, ядро которой составляют несколько сотен выпускников турецких учреждений, которые экономически и геополитически ориентированы на Анкару. По мнению сопредседателя Ассоциации региональных экспертов Киргизии «Пикир» политолога И. Шестакова, «помимо того что тысячи студентов из Кыргызстана ежегодно едут на учёбу в Турцию, системно выстроена модель обучения и для подрастающего поколения республики: детский сад – лицей – университет. Такой образовательной цепочки не имеет в Кыргызстане ни одно из зарубежных государств. А детский сад и является началом всех начал в воспитательном процессе граждан республики. Поэтому Турции и не надо создавать каких-либо аналитических центров в Кыргызстане, они эффективно используют образовательные схемы для проведения своей идеологии. В целом Турция демонстрирует, что является для Кыргызстана страной-мессией» [25].

Во всех пяти странах ЦА (в каждой в различной степени) потенциал роста «мягкой силы» Турции заключается в возрастающем образовательном влиянии, перерастающем в формирование социальных и деловых сетевых структур. В сферах строительства, торговли, сельхозпереработки и продовольственной отрасли роль турецкого бизнеса растёт, формируя под себя производственные, торговые цепочки.

В то же время, как отмечает кыргызстанский тюрколог К. Кудаяров, «позиции России в Киргизии претерпевают некоторые изменения под воздействием проводимой Турцией в Киргизии политики, которая направлена на восхваление этнокультурных и иных особенностей киргизского народа; на распространение турецкой модели ислама, при которой религия проникает практически во все сферы жизни государства и общества. Турция пытается взять на себя цивилизаторскую функцию, ориентированную на тюркоязычное пространство и адаптированную под местные этнокультурные различия и особенности. Турецкая стратегия в Киргизии приносит этой стране определённые дивиденды. Тем не менее принятые Россией меры по интеграции Киргизии в ЕАЭС позволяют ей сохранить ключевые позиции в Киргизской Республике» [26, С. 4].

Отдельным вопросом остаётся использование Анкарой религиозного фактора. Он неодинаков для каждой из республик региона.

В Узбекистане, например, как отмечают узбекские учёные, на се-

годняшний день в отношении религиозности населения сложилась двойственная ситуация. С одной стороны, власти поддерживают и даже поощряют религиозные институты (например, в ходе последнего визита Р. Эрдогана в Ташкент были заключены двусторонние договорённости о намерении Анкары открыть в Узбекистане научно-исследовательские институты имени имама Аль-Бухари и имама Матуриды [27]). Президент РУз Ш. Мирзиёев в ходе визитов по стране регулярно посещает культовые места, мечети, медресе и говорит о необходимости увеличения квот на хадж. В то же время значительная часть общества и государственные структуры (особенно силовые) с подозрением смотрит на тех, кто слишком ревностно придерживается исламских традиций, что особенно касается внешнего вида и одежды [28]. В республике существуют стойкие опасения относительно возможной дестабилизации, стабильность при этом ассоциируется с необходимостью религиозных ограничений. Это было очевидно после андижанских событий 2005 года, когда группа исламистских экстремистов пыталась поднять мятеж.

Используя модель религиозности, в рамках которой религия подчинена государству, Турция поддерживает благотворительные религиозные организации и общественные фонды, которые, функционируя на самом «низовом» уровне, решают бытовые проблемы простых людей. Строительство мечетей, поддержка малоимущих, призыв к сплочению

в рамках многонациональной уммы, кропотливая социально полезная работа, которую проводят представители протурецких религиозных фондов, дают им преимущество перед конкурентами в использовании «мусульманского фактора» в ЦА – персами и арабами. Такие фонды, как «Адеп Башаты» (десятки тысяч сплочённых последователей во всех регионах Киргизии), «Туркия Диянат Вакфи», «Нурджулер» («Нурджулар»), выступают действенным рычагом пропаганды пантюркизма. Фонды до ограничений, связанных с пандемией коронавируса, ежегодно отправляли сотни молодых людей на религиозное обучение в Турцию, а по возвращении поддерживали их в бизнесе и продвижении карьеры.

На постсоветском пространстве особой активностью выделяется религиозно-политическая организация «Нурджулар». За несколько последних лет «Нурджулар» учредила за пределами Турции более 500 учебных заведений, которые по документам обозначены «светскими и гражданскими». После распада СССР только в республиках ЦА было открыто не менее 100 учебных заведений «Нурджулар».

После прихода к власти в Турции (2001–2002 гг.) ныне правящей Партии справедливости и развития (ПСР) во главе с Эрдоганом влияние «Нурджулар» возросло до такой степени, что это стало угрожать светскому характеру Турецкой Республики. Можно также утверждать, что важную, если не ключевую, роль в утверждении текущего вну-

три- и внешнеполитического курса Турции сыграла позиция движения проповедника Ф. Гюлена, позже получившего название «Хизмет» («Служение»), проповедующего «гуманизм в исламе, сотрудничество с другими религиями», и поддержка им реформ Эрдогана. «Хизмет» представляет собой весьма влиятельную как в Турции, так и за её пределами организацию, проповедующую идеи тюркской солидарности [29].

В Турции гюленисты занимали высокие государственные посты, многие из них были представлены в бизнесе, армии и научной элите страны. Отношения между властями и гюленистами в целом были весьма неплохи до начала «арабской весны», когда проявились резкие расхождения в видении турецкой внешней политики в соседних странах. В 2013 г. прошли чистки, суть которых заключалась в устранении политического влияния Гюлена через отстранение от власти видных политиков, чиновников и других влиятельных лиц, имеющих отношение к «Хизмет». После попытки переворота в 2016 г. Ф. Гюлена обвинили в терроризме и организации государственного переворота. Проповеднику пришлось бежать в США, где он и скрывается сих пор. Правда, власти Анкары долгое время не препятствовали деятельности «Нурджулар» и гюленистов в зарубежных странах.

Центром же «официального» религиозного образования Турции в регионе ЦА является правитель-

ственное управление по делам религии «Диянет», представляющее собой главный орган, не только занимающийся религиозной сферой в целом, но и активно поддерживающий мусульман-суннитов и суннитские религиозные организации по всей стране.

«Диянет» организовало в странах ЦА и других регионах мира центры религиозного обучения, призванные способствовать распространению ценностей умеренного ислама. «Диянет» располагает 16 школами в таких странах, как Азербайджан, Киргизия, Казахстан, Румыния,

Болгария, Сомали, Малайзия, Гаити и Пакистан.

Турция уделяет серьёзное внимание религиозному обучению и продвижению исламских ценностей в другие страны. Студенты из ЦА за счёт «Диянет» посещают религиозные центры Турции. Активно Турция строит и мечети. При турецком финансировании в Казахстане строятся мечети в Нур-Султане, Семипалатинске и Туркестане, построена соборная мечеть в Бишкеке. В регионе ЦА в настоящее время наиболее заметно турецкое религиозное влияние в Кыргызстане.

Перспективы

Оценивая перспективы стремления Турции расширить своё влияние в ЦА, в первую очередь следует учитывать геополитический контекст. Тем более что именно геополитика, а не экономика или иные рациональные соображения лежат в основе концепции неоосманизма и всей современной турецкой внешней политики.

Фактически в мире возобновилась прямая борьба великих держав и государств второго уровня за положение в мировой иерархии. Все участники этого противоборства стремятся при этом получить и закрепить максимально возможные в текущих обстоятельствах односторонние преимущества.

До настоящего времени такое состояние международных отношений всегда заканчивалось войной, и сейчас риск войн в различных ре-

гионах мира возрастает. Важным вопросом в настоящее время видится способность сохранения стабильности ЦА в условиях растущего геополитического противоборства. Турции пока удаётся балансировать свои интересы в ЦА с двумя ведущими силами в регионе – Россией и Китаем. Однако после Второй карабахской войны возникают опасения в способности сегодняшнего турецкого руководства выдерживать данный баланс. Как пишут проамериканские эксперты, «хотя Россию и Турцию связывают общие интересы, они являются геополитическими соперниками в силу исторического и географического факторов. В стратегическом плане важно, что Турция является членом Организации Североатлантического договора и имеет гораздо больше общих интересов в области политики и

безопасности с Соединёнными Штатами и другими странами Запада, чем с Россией, хотя её отношения с ними складывались не лучшим образом в последние годы. В свете этих фактов для России естественно рассматривать турецкое присутствие в регионе как угрозу своему долгосрочному влиянию, пусть и не самую крупную на сегодняшний день. С другой стороны, растущее присутствие Анкары в Центральной Азии может предоставить Вашингтону бесценную возможность совершить фундаментальный прорыв в зоне российского влияния» [30].

Если же оценивать текущую ситуацию объективно, то понятно, что главной целью внешней политики Турции остаётся стремление постепенно превратиться в державу мирового уровня, без учёта законных интересов которой невозможно решать не только региональные вопросы на Ближнем Востоке, Балканах, Средиземноморье, Южном Кавказе, но и иные проблемы глобальной безопасности и мирового развития. Как отмечает казахстанский эксперт по проблемам Ближнего Востока А. Баталова, в сегодняшних условиях каждое государство создаёт свои союзы. Анкара, по мнению некоторых аналитиков, стремится возродить Османскую империю на Востоке и создать Великий Туран. «Президент Эрдоган на конгрессе партии АКП (Партия справедливости и развития (ПСР), на турецком – *Adalet ve Kalkınma Partisi*, часто сокращается до *AKP* или *AK Parti*. – Прим. авт.) на про-

шлой неделе сказал, что «Турция будет увеличивать количество друзей», и подчеркнул, что «у Анкары нет предпочтений перед Западом или Востоком, а есть желание найти золотую середину» [31].

Центральная же Азия для Анкары сейчас, во-первых, регион не первостепенной важности, «цель второго порядка», во-вторых, это пространство для прагматичной политики, с оглядкой на факторы влияния других мировых центров силы, и, в-третьих, это пространство, посредством которого Турция повышает свою значимость в международной политике, создавая и развивая механизмы (институты) коллективного и двустороннего сотрудничества в ЦА, что должно в перспективе гарантировать соблюдение её интересов.

Как утверждает идеолог казахских национал-патриотов А. Сарым (Саримов), введённый с недавних пор властью в парламент Казахстана в качестве депутата, «ситуация в мире меняется стремительно. За считанные месяцы разрешён один из ключевых вопросов кавказского региона – нагорно-карабахский конфликт. Кроме того, мир продолжает находиться в состоянии санкционных войн, противостояния Запада с Китаем и Россией. Все эти вещи заставляют думать, честно оценивать ситуацию, сравнивать возможности, искать новые форматы сотрудничества. Как государство, которое ведёт многовекторную политику, мы не должны принимать чью-либо сторону в этих конфликтах. Наша за-

дача – искать новые выходы на мировые рынки» [32]. Таким образом, протурецкие лоббисты в ЦА предлагают властям стран региона ориентироваться на Анкару в качестве альтернативного центра, который, по их мнению, позволит «минимизировать негативное геополитическое влияние на нас мировых конфликтов. В том числе речь идёт о защите от любых попыток втянуть Казахстан в чужие разборки» [32]. Подобные надежды (если они искренни) выглядят крайне странно: геополитический проект Анкары для региона ЦА не даёт никаких оснований рассчитывать на возможность для республик региона «отсидеться» за широкой турецкой спиной в условиях нарастающей мировой турбулентности. Не говоря уже о том, что у Р. Эрдогана нет ресурсного обеспечения для реализации вышеозначенных протурецких региональных настроений. Для Анкары все «внешние турки» [33] региона не объект опеки, а простой расходный ресурс для реализации неоосманского проекта. Становясь «младшим партнёром» Турции, любая из стран региона рискует быстро и существенно испортить отношения с основными стратегическими союзниками и на Западе, и на Востоке.

Как показывает история суверенного существования стран ЦА, они гораздо легче сотрудничают на двусторонней, а не на многосторонней основе. Кроме того, государства региона являются членами ряда других международных организаций. Тормозящим фактором расши-

рения регионального влияния для Турции навсегда останется географическая отдалённость.

Как достаточно откровенно резюмирует известный казахстанский политолог Д. Ашимбаев, «тюркская интеграция – тема, имеющая очень древние корни, сложная и запутанная. Понятно, что определённые общие культурные коды у нас есть, но, к примеру, рассматривать в качестве такового латиницу не совсем правильно, потому что латиница у всех разная и языки за долгие годы очень сильно «разъехались». При этом у Казахстана идёт соперничество с Узбекистаном. Про Азербайджан я вообще молчу.

И давайте все же помнить, что идея объединения с Турцией возникла тогда, когда Турция была демократическим светским государством. А сейчас эта страна все больше исламизируется и ведёт все более агрессивную риторику. И никто на самом деле уже интегрироваться особо и не хочет, потому что всем понятно, что Эрдоган действует не в интересах тюркского мира, а в интересах Анкары. Но тема задана и разговоры идут.

Что же касается настроений казахстанского общества, то они во многом зависят от новостей извне... Так что у каждой из стран-гигантов есть определённые интересы по недопущению увеличения влияния на регион другой страны. Сейчас, когда экономическая мощь всех гигантов значительно ослабла по объективным причинам, никто в наши дела не вмешивается, понимая, что

практически моментально последуют контрмеры.

Если раньше совокупный Запад действовал в Казахстане через Турцию, подогревая панисламизм, то сейчас, когда Эрдоган разругался с Западом, этот рычаг влияния заметно ослаб. Возникла ситуация, в которой все против всех. А мы – посередине» [34].

Описанная ситуация практически идентична и для других центральноазиатских республик. ЦА, разделяя историко-культурную общность, рассматривается Анкарой как «важное стратегическое пространство». Однако с вхождением Ближнего Востока в зону долгосрочной нестабильности, ухудшением политических и экономических связей Анкары с ключевыми региональными игроками внешнеполитическая концепция Турции «ноль проблем с соседями» оказалась несостоятельной.

Одновременно снижение темпов экономического роста, нарастающая угроза со стороны различных террористических групп, скопление свыше двух миллионов беженцев на территории Турции, нерешённый (и, очевидно, нерешаемый) курдский вопрос, идеологический разлом в турецком обществе являются ключевыми внутривнутриполитическими вызовами влияющих на формирование внешнеполитических ориентиров. Экономические и внутривнутриполитические проблемы в Турции будут расти, что означает, что центральноазиатские элиты будут относиться к ней с большей осторожностью. Се-

куляризованным режимам ЦА непонятно, как теперь, когда все очаги поддержки светского государства в Турции: армия, суды, система науки и образования – подвергаются чисткам, остановить сползание страны к исламизму, в чем давно подозревают Эрдогана и его ПСР. Для элит Средней Азии, которые борются за сохранение светского государства, это, естественно, будет фактором, лимитирующим отношения с Турцией.

Как отмечает казахстанский эксперт А. Бурханов, «если не считать культурно-исторические связи, то потенциал для реальной экономической и политической интеграции тюркских государств довольно ограничен. Например, на пять тюркоязычных стран приходится менее 5 процентов от общего объёма внешней торговли Казахстана. Большинство этих стран развивают отношения с другими государствами и интеграционными объединениями, которые для них более приоритетны. Поэтому каких-то больших ожиданий от тюркской интеграции ждать не приходится. Представители политических элит тюркских государств вполне ясно осознают, что участие в тюркском проекте не является (и в обозримой перспективе вряд ли сможет стать) серьёзной альтернативой другим интеграционным форматам, в которых участвуют эти страны» [10].

Отсутствие прочной экономической базы стало причиной неудачи «великотурецкого» проекта в 90-е гг. XX в. Теперь же, в резко меняющихся геополитических и геоэкономи-

ческих условиях, Анкара, исправляя прежние ошибки, может усилить своё экономическое и, отчасти, военно-политическое присутствие в тюркоязычных республиках бывшего СССР, подкрепив свои позиции рекрутированием местной протурецкой части элиты. Идеи родства тюрков, совместного пути и общей судьбы пока не стали доминирующими в турецко-центральноазиатских отношениях, но занимают немаловажное место. Сторонники неоосманизма уверяют, что идеология культурной интеграции тюркоя-

зычных народов не несёт угроз интересам остальных участников мирового политического процесса. Однако массовое воспитание протурецких элит, которые потенциально способны стать причиной различных неожиданных внутриэлитных искусственных изменений в странах ЦА [35], а также истинным разобщения и развала иных политических и экономических объединений Евразии, не может не мотивировать к внимательному наблюдению за действиями Анкары в регионе.

Список литературы

1. *Turkey's Relations with Central Asian Republics* / Министерство иностранных дел Турецкой Республики // URL: http://www.mfa.gov.tr/turkey_s-relations-with-central-asian-republics.en.mfa (дата обращения: 22.02.2018).
2. Шлыков П. Политика и экономика «турецкого потока»: интересы и расчёты Анкары // Европейская безопасность: события, оценки, прогнозы. 2015. Вып. 37 (53). С. 2–5.
3. *Boosted Transition of Uzbek Language to Latin alphabet: Consequences for the Population* // URL: <https://cabar.asia/en/boosted-transition-of-uzbek-language-to-latin-alphabet-consequences-for-the-population> (дата обращения: 29.03.2021).
4. Уразова Е. Проблемы российско-турецких отношений в Центральной Азии // Российско-турецкие отношения: 2002–2012 годы (материалы круглого стола, г. Москва, 4 апреля 2013 г.) / Под ред. В. Аваткова, С. Дружиловского, А. Федорченко. М.: Изд-во МГИМО, 2013. С. 137–142.
5. Назарбаев Н. На пороге XXI века. Алматы, 1996. 285 с.
6. Мирзеханов В. Восприятие Россией политики Турции в Центральной Азии и перспективы российско-турецкого сотрудничества в регионе // URL: <http://histrf.ru/uchenim/blogi/post/post-310> (дата обращения: 02.02.2021).
7. Сотрудничество Турции с Центральной Азией // URL: <https://islam.kz/ru/news/v-mire/sotrudnichestvo-turtsii-s-tsentralnoi-aziei-11316/#gsc.tab=0> (дата обращения: 31.03.2021).
8. Тюркский мир: пора ли объединяться? Возможности интеграции тюркского мира // URL: <https://platon.asia/politika/tyurkskij-mir-pora-li-ob-edinyatsya> (дата обращения: 02.04.2020).

9. Сулейманов А. Идеология А. Довутоглу и внешняя политика Турции // Вестник РУДН. Сер. «Международные отношения». Сент. 2015. Т. 15. № 3. С. 135–142.
10. Сухаревская О. Турция пытается втянуть страны Туркестана в свою игру // URL: <https://regnum.ru/news/polit/3088276.html> (дата обращения: 13.10.2020).
11. Каримов Т. Турция все глубже внедряется в Казахстан // URL: <https://ehonews.kz/turtsiya-vse-glubzhe-vnedryaetsya-v-kazahstan/> (дата обращения: 30.03.2021).
12. Быть ли латинизации в Казахстане? Что значит новая языковая программа до 2025 года? // URL: <https://stanradar.com/news/full/37882-byt-li-latinizatsii-v-kazahstane-chto-znachit-novaja-jazykovaja-programma-do-2025-goda.html> (дата обращения: 15.01.2020).
13. Грязев А. Армейская дружба: как Турция ищет союзников в Средней Азии. Эксперты оценили идею создания блока «Армия Турана» во главе с Турцией // URL: https://www.gazeta.ru/politics/2020/10/28_a_13337641.shtml (дата обращения: 28.10.2020).
14. Об организации // Союз инженеров и архитекторов тюркского мира // URL: <http://www.tdmmb.org.tr/hakkimizda/> (дата обращения: 30.02.2021).
15. Тюркское сотрудничество и внешняя политика Турции в Центральной Азии // URL: <https://caa-network.org/archives/21201> (дата обращения: 15.12.2020).
16. Курманбекова А. ССТГ как инструмент геополитики Турции в Центральной Азии // URL: <https://cabar.asia/ru/sstg-kak-instrument-geopolitiki-turtsii-v-tsentralnoj-azii> (дата обращения: 11.11.2020).
17. Основные цели ТюркПа / Парламентская ассамблея тюркоязычных государств – *TurkPA (Parliamentary Assembly of Turkic-Speaking Countries)* // URL: <http://www.turk-pa.org/news.php?id=150&lang=en> (дата обращения: 28.03.2021).
18. Токаев выступил с обращением на саммите тюркоязычных стран // URL: <https://www.zakon.kz/5063578-tokaev-vystupil-s-obrashcheniem-na.html> (дата обращения: 31.03.2021).
19. О «Тюркской» / Международная организация тюркской культуры «Тюркской» // URL: <http://www.turksoy.org/ru/turksoy/about> (дата обращения: 12.09.2018).
20. Приветствие генерального секретаря Международной организации тюркской культуры Д. К. Касеинова участникам VII Международной тюркологической конференции / Казанский (Приволжский) федеральный университет // URL: <http://kpfu.ru/pdf/portal/content/71986.pdf> (дата обращения: 23.09.2020).
21. Аватков В., Бадранов А. «Мягкая сила» Турции во внутренней политике России // Право и управление. XXI век. М.: Изд-во МГИМО, 2013. № 2 (27). С. 5–10.

22. Жанузаков А. Победят ли в Казахстане воинствующие уятмены – мнения экспертов // URL: <https://365info.kz/2018/01/pobedyat-li-v-kazahstane-voinstvuyushhie-uyatmeny-mneniya-ekspertov> (дата обращения: 27.01.2018).
23. Сотрудничество Токио и Анкары в Центральной Азии: Времена больших надежд прошли // URL: <https://ia-centr.ru/experts/olga-vishnyak/sotrudnichestvo-tokio-i-ankary-v-tsentralnoy-azii-vremena-bolshikh-nadezhd-proshli/> (дата обращения: 12.11.2020).
24. После распада СССР в Центральной Азии поменялось очень многое // URL: http://picreadianalitika.ru/makhmutova_interview (дата обращения: 24.10.2020).
25. Файзулин Р. «Старший брат» в феске пришёл в гости и остался жить // URL: <http://m.ritmearasia.org/news--2016-05-07--starshij-brat-v-feske-prishel-v-gosti-i-ostalsja-zhit-23392> (дата обращения: 10.05.2016).
26. Кудаяров К. Турецкая политика в Киргизии и её влияние на внешнеполитическую стратегию России в Киргизской Республике: Автореф. дисс. М., 2017. 31 с.
27. Эрдоган: Мой визит в Бухару имеет большое значение // URL: <https://www.centralasian.org/a/29200162.html> (дата обращения: 30.04.2018).
28. Гарсия Р. Коран или Конституция: роль ислама в политической жизни Центральной Азии // URL: <http://ru.sputnik-tj.com/analytics/20171113/1023879463/religia-islam-gosudarstvo-istoria-tadzhikistan.html> (дата обращения: 13.11.2017).
29. Интервью А. Князева интернет-газете *Zona KZ* // URL: <https://zonakz.net/view-aleksandr-knjazev-tureckie-shkoly-fetkhullakha-gjulena-vospityvajut-agenturu-vlijaniya-dlja-ssha.html> (дата обращения: 02.06.2015).
30. Al Jazeera: Мягкая сила Турции – как Анкара бросила вызов Кремлю в Центральной Азии? // URL: <http://inozpress.kg/al-jazeera> (дата обращения: 25.03.2021).
31. Баталова А. Десять лет «арабской весны» // URL: <https://tengrinews.kz/opinion/desyat-let-arabskoy-vesnyi-1093/> (дата обращения: 31.03.2021).
32. Тюркский мир на пороге ещё более глубокой интеграции // URL: <https://stanradar.com/news/full/44046-tjurkskij-mir-na-poroge-esche-bolee-glubokoj-integratsii.html> (дата обращения: 02.04.2021).
33. Турция пытается усилить позиции на Кавказе и в Центральной Азии // URL: <https://stanradar.com/news/full/41998-turtsiya-pytaetsja-usilit-pozitsii-na-kavkaze-i-v-tsentralnoj-azii.html> (дата обращения: 28.10.2020).
34. Д. Ашимбаев: Запас людей в Казвласти, чьи команды могут работать, крайне мал // URL: <https://kazvedomosti.kz/article/ashimbaev-zapas-lyudej-vo-vlasti-chi-komandy-mogut-rabotat-krajne-mal/> (дата обращения: 01.04.2021).
35. Stratfor подогревает фантомные боли Османской империи // URL: <https://stanradar.com/news/full/43415-mnenie-stratfor-podogrevaet-fantomnye-boli-osmanskoj-imperii.html> (дата обращения: 16.02.2021).

GROZIN Andrey V. – *Candidate of Historical Sciences, Head of Central Asia and Kazakhstan Department of Institute of the CIS countries, Senior Researcher of Institute of Oriental Studies of Russian Academy of Sciences*

Address: 2/1 Melnikov Ave., Khimki, Moscow region, Russian Federation, 141410.

E-mail: andgrozin@yandex.ru

Keywords: *Turkey, Ankara, Erdogan, Central Asia, Kyrgyzstan, Uzbekistan, Kazakhstan, Turkmenistan, neoottomanism, panturkism, soft power, Russia.*

TURKEY'S POLICY IN POST-SOVIET ASIA: APPROACHES, INSTITUTIONS, PROSPECTS

Annotation

The article analyzes the history, current state and main directions and prospects of the development of the influence of the Republic of Turkey in the republics of Central Asia. The impact of various institutions created by Ankara in different years to expand and deepen partnership with the countries of the region is assessed. The main elements of the Turkish “soft power” in Central Asia are considered. The ongoing global economic and geopolitical transformations create a wide field for various options for the development of Turkish policy in the Central Asian region.

References

1. Turkey's Relations with Central Asian Republics / Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Turkey // URL: http://www.mfa.gov.tr/turkey_s-relations-with-central-asian-republics.en.mfa (accessed: 22.02.2018).
2. Shlykov P. Politika i ekonomika “turk'skogo potoka”: interests and calculations of Ankara // *European Security: events, estimates, forecasts*. 2015. Issue 37 (53). Pp. 2–5.
3. Boosted Transition of Uzbek Language to Latin alphabet: Consequences for the Population // URL: <https://cabar.asia/en/boosted-transition-of-uzbek-language-to-latin-alphabet-consequences-for-the-population> (accessed: 29.03.2021).

4. *Urazova E.* Problems of Russian-Turkish relations in Central Asia // Russian-Turkish relations: 2002–2012 (Materials of the Round Table, Moscow, April 4, 2013) / Ed. V. Avatkova, S. Druzhilovsky, A. Fedorchenko. M.: MGIMO Publishing, 2013. Pp. 137–142.
5. *Nazarbayev N.* On the threshold of the XXI century. Almaty, 1996. 285 p.
6. *Mirzekhanov V.* Russia's perception of Turkey's policy in Central Asia and Prospects for Russian-Turkish cooperation in the region // URL: <http://histrf.ru/uchenim/blogi/post/post-310> (accessed: 02.02.2021).
7. Turkey's cooperation with Central Asia // URL: <https://islam.kz/ru/news/v-mire/sotrudnichestvo-turtsii-s-tsentralnoi-aziei-11316/#gsc.tab=0> (accessed: 31.03.2021).
8. The Turkic world: is it time to unite? Possibilities of integration of the Turkic world // URL: <https://platon.asia/politika/tyurkskij-mir-pora-li-obedinyatsya> (accessed: 02.04.2020).
9. *Suleymanov A. A.* Dovutoglu's ideology and Turkey's foreign policy // Vestnik RUDN. International Relations Series. September 2015. Volume 15. No. 3. Pp. 135–142.
10. *Sukharevskaya O.* Turkey is trying to draw the countries of Turkestan into its game. <https://regnum.ru/news/polit/3088276.html> (accessed: 13.10.2020).
11. *Karimov T.* Turkey is increasingly being introduced into Kazakhstan // URL: <https://ehonews.kz/turtsiya-vse-glubzhe-vnedryaetsya-v-kazakhstan/> (accessed: 30.03.2021).
12. Should there be Romanization in Kazakhstan? What does the new language program until 2025 mean? // URL: <https://stanradar.com/news/full/37882-byt-li-latinizatsii-v-kazahstane-chto-znachit-novaja-jazykovaja-programma-do-2025-goda.html> (accessed: 15.01.2020).
13. *Gryazev A.* Army Friendship: how Turkey is looking for allies in Central Asia. Experts appreciated the idea of creating a block "Army of Turan" led by Turkey // URL: https://www.gazeta.ru/politics/2020/10/28_a_13337641.shtml (accessed: 28.10.2020).
14. About the organization // The Union of engineers and architects of the Turkic world // URL: <http://www.tdmmb.org.tr/hakkimizda/> (accessed: 30.02.2021).
15. Turkic cooperation and Turkey's foreign policy in Central Asia / the URL: <https://caa-network.org/archives/21201> (accessed: 15.12.2020).
16. *Kurmanbekov A.* CCTS as a tool of geopolitics of Turkey in Central Asia // URL: <https://cabar.asia/ru/sstg-kak-instrument-geopolitiki-turtsii-v-tsentralnoj-azii> (accessed: 11.11.2020).
17. The main objectives of TurkPA / Parliamentary Assembly of Turkic-speaking States TurkPA (Parliamentary Assembly of Turkic-Speaking Countries) // URL: <http://www.turk-pa.org/news.php?id=150&lang=en> (accessed: 28.03.2021).

18. Tokayev addressed at the summit of Turkic-speaking countries // URL: <https://www.zakon.kz/5063578-tokaev-vystupil-s-obrashcheniem-na.html> (accessed: 31.03.2021).
19. About TURKSOY / International Organization of Turkic Culture TURKSOY // URL: <http://www.turksoy.org/ru/turksoy/about> (accessed: 12.09.2018).
20. The greeting General Secretary of the International organization of Turkic culture D. K. Kaseinov the participants of the VII-th international conference Turkological / Kazan (Volga region) Federal University // URL: <http://kpfu.ru/pdf/portal/content/71986.pdf> (accessed: 23.09.2020).
21. Avakov V. A. *Baranov* Soft power of Turkey in the internal politics of Russia // *Pravo I UPRAVLENIE. XXI century*. M.: MGIMO Publishing, 2013. No. 2 (27). Pp. 5–10.
22. Zhanuzakov A. Whether militant uyatmen will win in Kazakhstan — opinions of experts // URL: <https://365info.kz/2018/01/pobedyat-li-v-kazahstane-voinstvuyushhie-uyatmeny-mneniya-eksperto> (accessed: 27.01.2018).
23. Cooperation between Tokyo and Ankara in Central Asia: The Times of great hopes are over // URL: <https://ia-centr.ru/experts/olga-vishnyak/sotrudnichestvo-tokio-i-ankary-v-tsentralnoy-azii-vremena-bolshikh-nadezhd-proshli/> (accessed: 12.11.2020).
24. After the collapse of the Soviet Union in Central Asia has changed very much // URL: http://picreadianalitika.ru/makhmutova_interview (accessed: 24.10.2020).
25. Fayzulin R. “big brother” in the FEZ came to visit and stayed / URL: <http://m.ritmurasia.org/news--2016-05-07--starshij-brat-v-feske-prishel-v-gosti-i-ostalsja-zhit-23392> (accessed: 10.05.2016).
26. Kudarov K. of the Turkish policy in Kyrgyzstan and its impact on the foreign policy strategy of Russia in the Kyrgyz Republic: Abstract of the dissertation. M., 2017. 31 p.
27. Erdogan: My visit to Bukhara is of great importance / URL: <https://www.centralasian.org/a/29200162.html> (accessed: 30.04.2018).
28. Garcia R. Koran or the Constitution: the role of Islam in the political life of Central Asia. <http://ru.sputnik-tj.com/analytics/20171113/1023879463/religia-islam-gosudarstvo-istoria-tadzhikistan.html> (accessed: 13.11.2017).
29. Interview with A. Knyazeva online newspaper “Zona KZ” // URL: <https://zonakz.net/view-aleksandr-knjazev-tureckie-shkoly-fetkhullakha-gjulena-vospityvajut-agenturu-vlijaniya-dlja-ssha.html> (accessed: 02.06.2015).
30. Al Jazeera: Turkey's Soft Power – How did Ankara challenge the Kremlin in Central Asia? // URL: <http://inozpress.kg/al-jazeera> (accessed: 25.03.2021).

31. *Batalova A.* Ten years of the “Arab Spring” // URL: <https://tengrinews.kz/opinion/desyat-let-arabskoy-vesnyi-1093/> (accessed: 31.03.2021).
32. The Turkic world on the threshold of even deeper integration // URL: <https://stanradar.com/news/full/44046-tjurkskij-mir-na-poroge-esche-bolee-glubokoj-integratsii.html> (accessed: 02.04.2021).
33. Turkey is trying to strengthen its position in the Caucasus and Central Asia. <https://stanradar.com/news/full/41998-turtsija-pytaetsja-usilit-pozitsii-na-kavkaze-i-v-tsentralnoj-azii.html> (accessed: 28.10.2020).
34. D. Ashimbayev: The stock of people in the Kazvlast, whose teams can work, is extremely small // URL: <https://kazvedomosti.kz/article/ashimbaev-zapas-lyudej-vo-vlasti-chi-komandy-mogut-rabotat-krajne-mal/> (accessed: 01.04.2021).
35. Stratfor heats up the phantom pains of the Ottoman Empire // URL: <https://stanradar.com/news/full/43415-mnenie-stratfor-podogrevaet-fantomnye-boli-osmanskoj-imperii.html> (accessed: 16.02.2021).